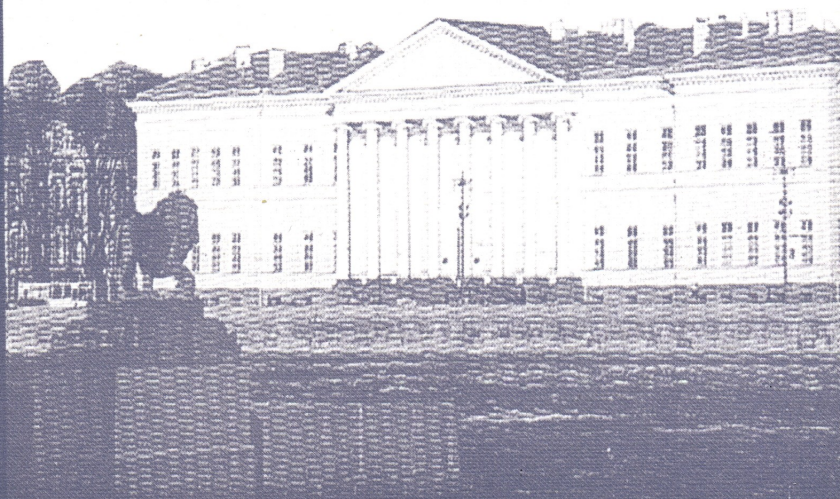

ПЕТЕРБУРГ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Основание национального театра и судьбы русской драматургии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ XVIII ВЕКА

**ОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА
И СУДЬБЫ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ**
(К 250-летию создания театра в России)

Санкт-Петербург

2006

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
<i>Предисловие</i>	7
<i>Ю. М. Прозоров</i> Ностальгия по театру. Вступительное слово на открытии Международной научной конференции «Основание наци- онального театра и судьбы русской драматургии»	9
<i>Л. М. Старикова</i> На пути профессионализации (русское актерство до осно- вания государственного театра)	12
<i>М. К. Пезенти</i> Традиции русских устных народных комедий и интермедий первой половины XVIII века в раннем русском театре	19
<i>М. Феррацци</i> Ранняя драматургия А. П. Сумарокова. Пьеса «Нарцисс» ...	30
<i>З. Бром</i> «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова и его историко- графический контекст	43
<i>Д. В. Руднев</i> Деятельность любительского театра в Морском кадетском корпусе в 1770-е годы	52
<i>И. З. Серман</i> «Драматический словарь» и литературно-театральная борьба 1780-х годов	62
<i>Н. Д. Кочеткова</i> Работа М. М. Хераскова над трагедией «Венецианская монахиня»	73
<i>С. Гардзонио</i> И. А. Дмитриевский – переводчик итальянских пьес	84

<i>Р. М. Лазарчук</i>	
К истории цензурного запрета трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» (по материалам Государственного архива Кировской области)	91
<i>Н. А. Гуськов</i>	
Репутация драматурга и судьба русской комедии (Д. И. Фонвизин и Я. Б. Княжнин)	97
<i>Л. А. Сапченко</i>	
«Точь-в-точь» (комедия М. И. Веревкина и мемуары о пугачевщине)	110
<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский</i>	
Комедия «Дон Педро Прокодуранте» и ее автор	119
<i>А. О. Дёмин</i>	
«Гиневра», утраченная трагедия В. В. Капниста (малоизвестные материалы)	132
<i>Д. А. Иванов</i>	
«Биография Ф. Г. Волкова»: об одной неизвестной статье А. А. Шаховского	143
<i>Дж. Джулиано</i>	
«Федор Григорьевич Волков, или День рождения русского театра»: анекдотическая комедия-водевиль А. А. Шаховского	153
<i>С. М. Шаврыгин</i>	
К проблеме типологии жанрового мироощущения в русской трагедии конца XVIII – начала XIX века	161
<i>П. В. Дмитриев</i>	
Некоторые проблемы современного издания русских драматических произведений XVIII века	170
<i>Л. Г. Агамалян</i>	
«Под сению кулис...». Выставка, посвященная 250-летию основания русского драматического театра	177
<i>Каталог выставки</i>	187
<i>Список сокращений</i>	215
<i>Сведения об авторах</i>	216

КОМЕДИЯ «ДОН ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ» И ЕЕ АВТОР

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Начало изучения анонимно опубликованной пьесы Якова Петровича Чаадаева «Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник»¹, приписанной автором Кальдерону, положила заметка М. Н. Лонгинова, опубликованная в «Современнике» в 1856 году². Здесь впервые было указано имя подлинного сочинителя пьесы, сообщены некоторые данные, полученные от публициста П. Я. Чаадаева, сына драматурга. Лонгинов указал на памфлетный характер комедии – под именем заглавного героя, высокопоставленного мошенника Прокодуранте, был выведен управляющий Коллегией экономии Нижегородской губернии Петр Иванович Прокудин, известный злоупотреблениями и роскошной жизнью³. Лонгинов объяснил и малодоступность издания 1794 года – Прокудин скупил через своих агентов подавляющую часть тиража книги и подверг комедию сожжению. Скудость приведенных биографических данных объяснялась тем, что Яков Петрович Чаадаев скончался, когда его знаменитый сын, главный информант Лонгинова, был еще малым дитятей.

Некоторые сведения о прохождении службы Чаадаевым-старшим содержала «История лейб-гвардии Семеновского полка» П. Н. Дирина, вышедшая в свет в 1883 году. Если дополнить ее данными месяцесловов,

¹ Приведем полное описание пьесы, цитируемой далее в тексте с указанием страницы: [Чаадаев Я. П.] «Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник, комедия, сочинения Кальдерона де ла Барка. С испанского на рос. яз. переведена в Нижнем Новгороде». М., 1794. Цитаты даются по новой орфографии, явные опечатки исправляются без оговорок.

² Лонгинов М. Н. О комедии Я. П. Чаадаева // Современник. 1856. № 7. Отд. V (Смесь). С. 1–5.

³ Упомяну попутно, что почти вышедший из употребления глагол «прокудить» значит «дурить, безобразничать».

то получим бедную событиями картину, пополнить которую вряд ли когда-либо удастся: в 1756 году Я. П. Чаадаев был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк; в 1768-ом произведен в прапорщики, затем в поручики, в 1775-ом вышел в отставку подполковником армии; в 1780-ом служил советником в Палате уголовного суда Нижегородского наместничества, в 1781-ом – председателем 2-го департамента Верхнего земского суда; затем, по-видимому, снова в отставке – жизненный путь, типичный для богатого помещика, лишённого необходимости тянуть служебную лямку. Подобная скудость информации тем более досадна, ибо речь идет о представителе старого дворянского рода, отце знаменитого философа и публициста, зяте историка М. М. Щербатова.

Несколько живых подробностей о прототипах комедии содержит «Капище моего сердца» И. М. Долгорукова, увидевшее свет впервые в 1872–1874 годах. Одна из статей в нем посвящена Феокисте Даниловне Прокудиной – «женщине прекраснейшей собой, супруге оглашенного плута», «обворожавшей всю тамошнюю публику своими прелестями».

Вскоре после назначения Пензенским вице-губернатором 19 сентября 1791 года, «отроду в провинции не живавший» 27-летний князь ненадолго заехал в Нижний Новгород и, если бы не настойчивость его непосредственного начальника, тут бы, может быть, «остался навсегда». Долгоруков явно не без удовольствия вспоминает о днях, проведенных в городе на Волге, ибо «очень весело» было в нем молодому аристократу, получившему высокое назначение. Все, как в столицах, – «и театр, и балы, и вечера, и обеды». Долгоруков с удовольствием бывал у плута, «державшего открытый дом на самой пышной ноге богатого вельможи».

Прокудин потчевал высокого гостя особенно роскошным образом перед отъездом: «...он дал мне большой пир, кормил меня на серебре, потом другой – на фарфоре и, наконец, прощальный ужин на английском сервизе, апплике»⁴.

Последующие публикации не содержали ничего существенно нового. На информацию, сообщенную в свое время Лонгиновым, опирался библиофил А. Е. Бурцев в своих вступительных заметках, дважды перепечатавший текст комедии в описаниях принадлежавших ему раритетов⁵. Д. Н. Свербеев сообщил со слов П. Я. Чаадаева несколько малодостовер-

⁴ Долгоруков И. М. *Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни*. СПб., 1997. С. 190.

⁵ Бурцев А. Е. 1) *Описание редких российских книг*. СПб., 1897. Т. 1. С. 373–488; 2) *Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг*. СПб., 1901. Т. 1. С. 260–360.

ных анекдотов о его отце в своих «Записках»⁶. Появившуюся в 1905 году в «Русском биографическом словаре» статью о Я. П. Чаадаеве следует признать малоудовлетворительной – в ней не была учтена ни содержательная заметка Лонгинова, ни «Капище моего сердца» Долгорукова, ни публикации Бурцева⁷. Здесь же сообщалась, как выяснилось вскоре, недостоверная дата смерти Я. П. Чаадаева («около 1807 года»), без всякого указания на ее источник. По своему объему статья эта даже меньше статьи о брате драматурга – Иване Петровиче Чаадаеве (1733–1786), переводчике комедии Мольера «Жорж Дандин, или В смятении приведенный муж» (представлена 24 сентября 1758 года в Петербурге).

Краткий «Реестр роду Чаадаевых», опубликованный в «Действиях Нижегородской губернской ученой архивной Комиссии» за 1909 год, содержит точные даты жизни и смерти Якова Петровича Чаадаева (родился 23 ноября 1745 года в Устюге, скончался 20 апреля 1795 года в селе Хрипуново Ардатовского уезда Нижегородской губернии)⁸. В том же издании сообщалось о разорении семейного кладбища в Хрипунове и повреждении могилы драматурга⁹.

Еще одно мемуарное произведение И. М. Долгорукова – частично опубликованная в 1914 году «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни» – содержало дальнейшие подробности о памятном пребывании князя в Нижнем Новгороде. Как выяснилось, комедия Я. П. Чаадаева была прекрасно известна Долгорукову, к ней он отсылал своих читателей, видя в ней хороший способ познакомиться с «директором Экономии П. И. Прокудиным»: «Кто хочет узнать его поближе, пусть прочтет комедию, вышедшую о нем в свет в 1794 году и напечатанную под названием “Дон Педро Прокодуранте”. Портрет верен, красного словца вовсе нет. Не стоит труда описывать здесь все его качества, довольно сказать, что он, откровенно шутя с своими приятелями на собственный свой счет, называл себя шельмою, он так и слыл, таков и был в самом деле»¹⁰. Долгоруков

⁶ Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899. Т. 2. С. 237–238.

⁷ Владимирова В. Я. П. Чаадаев // Русский биографический словарь. Т. 22 «Чаадаев–Швитков». СПб., 1905. С. 5.

⁸ Реестр роду Чаадаевых // Действия Нижегородской губернской ученой архивной Комиссии: Сборник статей. Нижний Новгород, 1909. Т. VIII. С. 400–401.

⁹ Звенигородский А. В. Материалы к биографии М. Я. Чаадаева // Там же. С. 366.

¹⁰ Записки кн. И. М. Долгорукова // Русский библиофил. 1914. № 2. С. 73–74 (опубликованное в «Русском библиофиле» собрано в отдельном издании 1916 года). См. также в позднейшем полном издании: Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. СПб., 2004. Т. 1. С. 270.

отметил интегрированность Прокудина в провинциальное общество, прекрасно отдававшее себе отчет в его мошенничествах, но не гнушавшееся плута и с охотой принимавшее участие в его роскошной жизни («Все его презирали как вора примеченного и все, однако, к нему езжали»).

Долгоруков прекрасно понимал, отчего мошенник хочет сойтись покороче именно с ним: у того был брат, отправлявший в Пензе ту же должность, что и сам Прокудин в Нижнем Новгороде. Князь не проявил по отношению к Прокудину излишней щепетильности, чему не в последней степени способствовали прелести жены мошенника («дворянка простая, но прекраснейшая женщина всего низового края»). При этом Прокудин «давал ей полную волю и не ревновал ни к кому». Долгоруков прозрачно намекает и на благосклонность Феоктисты Даниловны – «я, греха не потаю, вкушал крайнее удовольствие в его доме, потому что с женой его было нескучно»¹¹. Забегая вперед, отмечу, что в пьесе Чаадаева есть сходный эпизод – Дон Педро одаривает приехавшего в «Барселону» высокопоставленного герцога тысячью червонцев и всячески способствует его сближению с собственной женой в надежде приобрести покровительство влиятельного сановника. Сходную ситуацию, как известно, находим и в гениальном гоголевском «Ревизоре».

В 1924 году в печати появились сведения о роли П. И. Прокудина в гонениях на старообрядцев. В 1787 году к нему обратились владельцы клинцовских типографий за разрешением торговать книгами на Нижегородской ярмарке. Книги, сочтенные Прокудиным подозрительными, были представлены им начальству. Вскоре Синод добился освидетельствования и закрытия староверческих печатен в Клинцах¹².

Из литературоведческих исследований XX столетия упомянем «Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX веков» М. П. Алексеева. Коснувшись комедии Я. П. Чаадаева в широком контексте испано-русских литературных контактов, ученый подчеркнул, что «Дон Педро Прокудуранте» «никакого отношения к испанскому драматургу не имеет, хотя и пользуется его именем»; «комедия эта вполне оригинальна»¹³. Вопрос о том, насколько пьеса, опиравшаяся на испанский колорит, отразила представления автора о далекой стране, как кажется, вовсе не занимал ученого. Других исследователей, обращавшихся к комедии

¹¹ Там же.

¹² *Русская книга от начала письменности до 1800 года. Под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. М., 1924. С. 252.*

¹³ *Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964. С. 81.*

в XX столетии, она интересовала либо как библиографический раритет¹⁴, либо как штрих к портрету отца знаменитого публициста¹⁵. При этом и те, и другие по большей части пересказывали сообщенное Лонгиновым и Долгоруковым. Лишь заметка А. Ф. Петровой, опубликованная в 1980 году, содержала новые факты; здесь было указано на ранее неизвестные документы Петра Ивановича Прокудина в нижегородских архивах¹⁶. К ним мне хотелось бы обратиться несколько позже. Здесь отмечу лишь, что Прокудин и Чаадаев, по-видимому, хорошо знали друг друга – оба были помещиками Ардатовского уезда и именно в нем по большей части проживали.

Попытаемся подвести некоторые промежуточные итоги. Гибель подавляющей части тиража пьесы привела к малой доступности ее текста и стала причиной ее ограниченной известности. Ярko выраженная памфлетность предполагает неизбежность цензурных затруднений при постановке комедии, а смерть автора, последовавшая вскоре после публикации «Дона Педро Прокодуранте», исключила какие-либо усилия с его стороны для придания пьесе «второй жизни» как на сцене, так и в печатном виде.

Памфлетный характер пьесы Чаадаева отвлек внимание от нее как от художественного явления. Каковы ее достоинства? Насколько умело она сделана? Каково ее место в истории литературы? Как оценить успех (или неуспех) Чаадаева-литератора и в чем его причины? Зная конкретную авторскую интенцию, какой вывод можно сделать об интенциональности его текста? Вот несколько вопросов, которые, полагаю, стоит наконец поставить. Это тем более правомерно, ибо ни «История русской комедии XVIII в.» П. Н. Беркова (1977), ни академическая «История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века» (1982) о «Доне Педро Прокодуранте» не упоминают.

О чем же идет речь в пьесе Якова Петровича Чаадаева? Как сконструирован ее изображаемый мир?

Как нетрудно догадаться, пьеса повествует о плутнях Дона Педро Прокодуранте, директора королевских доходов, и о его разоблачении. Сатирический характер пьесы манифестирует себя прежде всего во внутренней несостоятельности группы персонажей – это Дон Педро, его жена и сообщники, избравшие путь постоянного нарушения норм морали и за-

¹⁴ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960. С. 174–180.

¹⁵ Тарасов Б. Н. Молодой Чаадаев: книги и учителя // Альманах библиофила. 1985. Вып. 18. С. 168–188; Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 631–632.

¹⁶ Петрова А. Ф. Забытая комедия XVIII века и ее автор (Я. П. Чаадаев. «Дон Педро Прокодуранте») // Литературные связи и проблема взаимовлияния. Горький, 1980. С. 91–98.

конности. Подобный образ жизни представлен лишь как временно возможный, находящийся в неразрешимом противоречии с поступками большинства действующих лиц, как появляющихся на сцене, так и находящихся за ее пределами. В этом отношении необычайно важна роль так называемого *stage off*, внесценического пространства, по отношению к которому происходящее на сцене являет себя как частное, малое и нетипичное. Именно за сценой находятся монарх и управляемое им государство, для которого представленный размах злоупотреблений несвойственен. Именно из *stage off* приходит высочайшее повеление, способствующее восстановлению справедливости.

Монархическое устройство государства, благодаря произведенной семантизации внесценического пространства, предстает как универсальное и оптимальное, жидущееся на доблести и чести дворянства, своей службой гарантирующего благосостояние общества¹⁷. Возможность бесперебойного функционирования сословного государства и преодоления им возникающих злоупотреблений вызывать сомнений не должно. Отклонения от нормы поэтому временны, сколь бы чудовищные формы они ни приняли. Противоречие должного (оно же желаемое) и изображаемого пронизывает пьесу и разрешается лишь в финальной сцене. Объявление наказания мошенникам есть таким образом род экспансии *stage off*, способствующей восстановлению гомогенности фикционального пространства.

Наряду с политическими воззрениями автора в создании художественного мира пьесы участвуют его знания об Испании (да и шире – о романском мире), почерпнутые драматургом, думаю, из французской литературы, а возможно, и из французских переводов испанских литературных произведений. На это указывает, например, французская огласовка слова «коррехидор», у Чаадаева – «коррежидор». Сам выбор имени Кальдерона, автора многочисленных сценических произведений, с целью скрыть личную направленность пьесы, был в высшей степени удачен и, на мой взгляд, вряд ли возможен, если бы Чаадаев совершенно не ориентировался в его наследии.

Испанский колорит доминирует в пьесе – Чаадаев переносит действие в «Барселону», дает большинству героев испанские имена; положительные персонажи пьесы не прочь порассуждать о преданности королю, об исчезновении исконных добродетелей испанского дворянства и о вредоносном французском влиянии и т. п. Известный дефицит местного материала, со

¹⁷ В этом отношении весьма характерна реплика Дорфизы о том, что «фамилия Дона Педро в Герольдии в родословную книгу не вписана» (с. 65). Злоупотребления Прокодуранте связываются таким образом с сомнительностью его дворянского происхождения.

всей очевидностью испытывавшийся автором, сказался в том, что в качестве испанских в пьесе оказались включены реалии других романских стран. Так, фигура импровизатора Бурлеско явно итальянского происхождения; при этом он следующим образом характеризуется в списке действующих лиц – «так называются в Гишпании люди, которые, не приговорясь, говорят стихи»¹⁸.

В пьесе находим не только фантазию на испанские темы, но и памфлетное изображение русского провинциального общества конца XVIII века, что позволяет говорить о прихотливом смешении «испанского с нижегородским» в комедии. Отечественный субстрат постоянно манифестирует себя – подкуп осуществляется червонцами, речь персонажей пестрит пословицами и идиомами, вряд ли имеющими аналогии в испанском языке, при характеристике действующих лиц используются укоренившиеся русские обозначения (Дорфиза именуется «щеголихой», а Рамирец и Мондор объявляются «петиметрами») и т. д.

При построении действия Чаадаев тяготеет к исполнению рекомендаций классицизма к драматическому роду, хотя и далек от точного следования им – все пять действий разворачиваются в течение нескольких дней в Барселоне и ее окрестностях (главным образом в различных апартаментах Дона Педро). Словные грани предстают незыблемыми, но герои благородного происхождения ведут себя порой как простолюдины. Так, петиметры Рамирец и Мондор роняют и тузят плута Делфито, а второй из них, как поясняет ремарка, в заключение «толкает Делфито ногою в задницу» (с. 78). Неудивительно поэтому, что и в своих репликах дворяне нередко грешат ругательствами и просторечием.

Текст пьесы умещается в издании 1794 года на 123 страницах в восьмерку; представление пьесы даже при достаточно интенсивном произнесении диалогов с соотношением 1 страница / 1 минута могло бы занять более двух часов (*Spielzeit*), в которые впрессованы события нескольких дней (*gespielte Zeit*). Естественно поэтому, что перерывы между действиями означают довольно значительные скачки во времени – от нескольких часов (так между третьим, четвертым и пятым действиями) до двух-трех суток (так между первыми тремя актами). Несколько дней действия пьесы следует, видимо, отнести к 1770-ым или 1780-ым годам, ибо в одном из диалогов пятого действия упоминается во лжи прохвост Делфито, утверждающий, что

¹⁸ Отмечу попутно, что фигура импровизатора, и именно итальянца (правда, композитора, а не поэта), появляется впервые в русской драматургии, по крайней мере, на двадцать пять лет раньше – в комической опере Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» (1778).

он участвовал в битве при Лепанто. В то же время выясняется, что подлинный герой этого сражения, состоявшегося в 1751 году, – благородный Дон Жуан (не имеющий никакого отношения к безжалостному покорителю женских сердец того же имени).

Малодоступность и малоизвестность пьесы побуждают меня кратко изложить содержание «Дона Педро Прокодуранте» и тем сделать более наглядным ее дальнейший анализ.

I действие содержит развернутую и даже, может быть, чрезмерно развернутую экспозицию. Бурлеско повествует зрителю о нескольких стакнувшихся мошенниках, взявших под свою власть Барселону, о кознях Дона Педро Прокодуранте и о своем интересе к его кошельку. Прокодуранте бранится с Делфито и излагает ему свою концепцию умного мошенничества. Наконец, происходит важное событие – оформляется сговор, по которому Бурлеско и Делфито отправят навет на Дона Жуана в Мадрид с целью лишить последнего имущества и свободы.

Обсуждение Доном Жуаном и Рамирецом различных техник обмана Дона Педро Прокодуранте открывает *II действие*. Появившийся Бурлеско повествует Дону Жуану о готовящемся доносе, тот посылает его к герцогу Дель Прато, высокопоставленному вельможе. Дон Жуан в красках описывает злоупотребления Прокодуранте и иже с ним. Дель Прато произносит воображаемую речь о необходимости государственной службы для молодых дворян и подробно обосновывает свое мнение.

В первом явлении *III действия* Дорфиза признается в отвращении к мужу, принуждающему ее привлекать в дом любовников. Появившийся Рамирец рассказывает Дорфизе об изменах мужа и просит «увенчать его пламень». Рамирец подкупает шута, ставшего свидетелем его нежностей с Дорфизой. Шут повествует о недавнем вымогательстве Доном Педро денег у старика-простолоудина, пытающегося освободить своего внука от незаконной сдачи в солдаты. Случайно оказавшийся вблизи Дон Жуан, узнав о ситуации старика, подарил ему недостающие 200 рублей. Перебранка между Дорфизой и появившимся Прокодуранте переходит в драку. Происходящее примирение вызвано в значительной мере необходимостью подготовки к вечеру, на котором должно быть прочитано письмо от монарха. По требованию жены Прокодуранте обещает выдать ей пять тысяч червонцев на наряды и более не изменять.

IV действие переносится в пригород БарCELоны. При помощи своего слуги Педрилло, переодетого ворожеем, Гонзалец похищает из загородного дома Адель, дочь Дона Педро Прокодуранте от первого брака, и тем раз-

рушает планы о выдаче ее замуж по расчету. Извещенный Прокодуранте в ярости удостоверяется в случившемся.

Торжественный вечер в доме Прокодуранте составляет *V действие*. Известие о смерти одного из высокопоставленных плутов, Дона Педро ди Лаго, на место которого метит Прокодуранте, побуждает Бурлеско открыть вечер сатирическими эпитафиями. Герцог просит Прокодуранте простить дочь, но получает отказ. До последней минуты Дель Прато разыгрывает симпатию к Прокодуранте и тем провоцирует мошенника к саморазоблачительным монологам. Наконец появляется Коррежидор, который зачитывает высочайшее послание, объявляющее наказание трем плутам: Де Симонет и Делфито будут арестованы, Прокодуранте будет отстранен от должности. Последний ликует, ибо он опасался потери своего имущества, которое теперь сохранит. Бурлеско подводит итог пословицей: «Сколь долго вору не плутовать, / Достойной казни не миновать».

Надо сказать, что мягкость наказания, постигающего Дона Педро Прокодуранте находится в вопиющем противоречии с тем, что мы узнаем о нем из пьесы и тем, что прочат ему положительные персонажи. Как раз «достойной казни» главный плут и не получает, хотя уже во втором действии Дель Прато с возмущением восклицает: «Прокодуранте превосходит все, что бы сказать про него можно было; а Делфито хотя и не так великой каналия, как Прокодуранте, однако заслуживает виселицу» (с. 45). Чем руководствовался Чаадаев, так завершая пьесу? Объяснений, возможно, по крайней мере, два: либо он проявлял трезвость и предлагал наиболее возможное в условиях сословного государства наказание для Прокудина, либо считал необходимым окончить пьесу демонстрацией милостей высшей власти.

Как уже указывалось выше, Чаадаев проявляет немалую склонность к грубому фарсовому комизму, сосуществующему в пьесе и с миром высоких гражданственных чувствований положительных героев, и с прециозным обхождением щеголих и петиметров¹⁹. В соответствии с этим язык пьесы дифференцирован и разнообразен – он вобрал в себя и просторечие, и высокий ораторский арсенал, и светский жаргон. Особенно следует отметить народные пословицы, охотно включаемые в диалоги, и макаронические каламбуры²⁰.

¹⁹ Образец имитации их речи см. в обращении Рамиреца к Дорфизе (с. 65), насыщенном метафорами страсти и литотами.

²⁰ Так, Делфито обращается в первом действии к Бурлеско с вопросом «Ну что это такое: же сви гран пур ла мерит?», на который получает ответ: «Как не знать! Это то, что

С точки зрения степени опосредованности речи по отношению к действию в комедии можно выделить несколько текстовых групп.

Это, *во-первых*, краткие и максимально объективированные ремарки, скудные характеристики места действия.

Во-вторых, реплики персонажей, долженствующие создать театральную иллюзию.

И *в-третьих*, довольно большое количество текстового материала, служащего ее нарушению. Это, в первую очередь, реплики Бурлеско, обращенные к зрителю и выпадающие из общего действия; так, уже в первом прозаическом монологе он объявляет: «мне нужен кошелек Прокодурантов», – и сообщает предысторию событий. Он также постоянно «импровизирует» стихи, применяясь к обстоятельству. Эти реплики Бурлеско в подавляющем числе случаев изначально амбивалентны. Прокодуранте воспринимает их прямой смысл и соотносит их с горизонтом собственной информированности; зритель же призван соотнести их со всей информацией, которой он обладает, а она более велика, чем у отрицательного протагониста. Все же Прокодуранте чует подвох в репликах Бурлеско и неоднократно требует прекратить говорить стихами.

Весьма эффектна, хотя и не оригинальна (тут вспоминается в первую очередь народный театр) перемена смысла высказывания за счет введения дополнительного стиха, внезапно обращаемого к публике, как, например, в следующем вставном стихотворении Бурлеско (заодно и образец поэтического дарования Чаадаева):

Тебе, Дон Педро, я дружил;
 Обоим вам с Делфитом услужил.
 Уж скоро воздана вам будет и награда;
 Отечества вы истинные чада:
 Вам с Дон Жуановой различна будет часть,
 (*в сторону*)
 Престанете вперед бездельничать и красть (с. 42–43).

Бурлеско импровизирует в различных жанрах – среди его продукции разнообразны ситуативные экспромты, светский мадригал, воспевающий прелести Дорфизы (с. 22), сатирические эпитафии Дону Педро ди Лаго (с. 100–102).

Разрывают действие не только импровизации Бурлеско, но и обширный патетический монолог Дель Прато, обращенный к «юным сынам

ты глуп, как бурой мерин» (с. 26). Сходный обмен репликами находим между Делфито и шутом (с. 27).

отечества» (с. 60–61), и романс Гонзалеца, переведенный Чаадаевым с французского (с. 86–87), и песенка о плуте де Симонете, сочиненная на масонский мотив (с. 102–104), и описание балета, который должен быть представлен после похищения Адели (с. 96–97) и т. п.

Столь дифференцированную организацию словесного материала, как и его стилистическое многообразие, думаю, нужно признать сильной стороной пьесы Чаадаева. К ее слабым сторонам следует отнести малую соотнесенность речи с собственно действием (в отличие, к примеру, от опубликованной четырьмя годами позже «Ябеды» Капниста, разрабатывающей сходную проблематику). Герои «Дона Педро Прокодуранте» постоянно повествуют друг другу о том, что происходило или происходит за сценой – это по большей части какие-то события, связанные с протагонистом, или его злоупотребления. Сам Прокодуранте раскрывается тоже не столько в своих поступках, сколько в манифестации намерений и саморазоблачительных монологах. В этой ситуации обилие вставных эпизодов оказывается дополнительным тормозом интриги. Налицо и некая избыточность «низких» персонажей: Бурлеско, шут Иванушка и слуга Гонзалеца Педрилло выступают в различных ситуациях почти как двойники, иронически подтрунивающие над плутами и способствующие созданию атмосферы грубоватых насмешек.

Еще один недостаток построения действия – многочисленные проlepsы, предрекающие конечное наказание мошенника, так что довольно рано у зрителя не может остаться никакого сомнения в скором возмездии. Уже во втором действии становится ясно, что Дель Прато – давний друг Дона Жуана, что оба лично известны монарху и что при таких условиях наветы и козни Прокодуранте не имеют никаких шансов на успех. Вскоре и того более: Дель Прато объявляет, что король назначает Дона Жуана новым генерал-губернатором, которому «дано полномочие и наказать здешних мошенников». Герцог признается, что уже предоставил двору «очевидные и красноречивые доказательства». В этой ситуации о высокой степени напряженности действия и заинтригованности потенциального зрителя говорить не приходится.

Все вышеизложенное побуждает еще раз обратиться к проблеме прототипов и попытаться оценить степень памфлетности пьесы. Особенно важным представляется в связи с этим указание И. М. Долгорукова на то, что Прокудиным все гнушались и «однако, к нему езжали». Именно против этой «небрезгливости» общества, позволявшей мошеннику никоим образом не стесняться своих поступков, направлял жало своей сатиры Чаадаев. Так, Дон Жуан открыто сетует на то, что «один порядочный человек» говорил

ему: «Что де мне за нужда, что Дон Педро Прокодуранте вор и мошенник? Я к нему езжу для того, что он живет роскошно и великолепно» (с. 52). И высокая степень свободы, дарованная Феоктисте Даниловне Прокудиной ее мужем, и то, что она использовалась в качестве особого рода приманки, как будто один в один перенесено из реальности в пьесу. Так же, как и Прокудин, Прокодуранте охотно и беззастенчиво повествует о своих проделках и похождениях (особенно в пятом действии, с. 112–119).

С большой степенью уверенности можно утверждать, что упомянутые в пьесе методы вымогательства (такие, как, например, взятие денег взаймы без отдачи) широко практиковались Прокудиным. Несомненно также, что следующий пассаж, как уже отмечалось, связан, скорее, не с побережьем Средиземного моря, а с низким берегом Волги, на котором располагалась знаменитая Нижегородская ярмарка:

«Королевские доходы с ярмонки поручено собирать ему, и тут-то Прокодуранте оказывает разные свои проворства. Как ярмонка держится на песках на берегу морском, которой иногда поднимается водою, то твердого здания для гостиного двора сделать не можно; и на случай делаются деревянные лавки, которые Прокодуранте, отдавая внаймы купцам, в десятеро более с них берет, нежели в казну сам вносит. Нет ни одного купца, которой бы остался от него не ограблен, ибо набрав множество будто бы в долг товаров, он никогда не платит» (с. 46).

Что же касается большого числа конкретных эпизодов, повествуемых самим Прокодуранте о себе или другими персонажами о нем, то, думаю, никогда не удастся доподлинно установить, имеем ли мы дело в каждом конкретном случае с художественным вымыслом, широко распространенными слухами или действительными происшествиями, перенесенными в ткань пьесы. Неясно также, насколько гротескная теория умного мошенничества, призванного аккумулировать средства в руках Дона Прокодуранте для блага всего общества, соответствует разглагольствованиям Прокудина, доходившим до ушей Чаадаева.

Если попытаться определить место комедии Чаадаева в истории русской драматургии, то, думаю, ее надо рассматривать в русле художественных открытий, связанных с фонвизинским «Недорослем» (1782). Как и у Фонвизина, в «Доне Педро Прокодуранте» изображено противостояние двух общественных групп в идеализируемом абсолютистском государстве. Персонажи-резонеры, воплощающие просветительские ценности, одерживают в конце верх над «злонравием». Художественная сила заключена прежде всего в мастерском изображении отрицательных *dramatis personarum*. Положительные герои при этом, скорее, оттеняют их недостат-

ки, создают фон, исключая мысль о возможности всеобщего торжества злонравия.

В заключение статьи хотелось бы коснуться служебных документов Прокудина, обнаруженных А. Ф. Петровой в нижегородских архивах. Помимо прочего, исследовательницей был найден его «паспорт», свидетельствующий о том, что коррумпированный чиновник после выхода в свет пьесы Чаадаева поспешил объявить себя больным. Уже 27 марта 1794 года Прокудин был «за болезнь по прошению» «уволен до выздоровления»²¹.

Этот факт ставит, на мой взгляд, в истории некоторую точку, сообщая столь не достававшую подробность о действенности памфлета и о той благотворной силе печатного слова, которую оно в данном случае имело и которой оно, увы, не всегда обладает. Если в 1794 году стыд не держал еще в узде, то смех, и особенно печатный смех, уже страшил и страшил не на шутку.

²¹ Петрова А. Ф. *Забывтая комедия XVIII века и ее автор*. С. 95.